

Spausdintoje versijoje šis lapas yra tuščias

ник безэквивалентно по отношению к английскому языку, но не по отношению к литовскому, где есть адекватный эквивалент *draugovinėkas*.

Русская безэквивалентная лексика хорошо изучена по отношению к иностранным (западноевропейским) языкам. Выделяются обычно такие группы безэквивалентной лексики: советизмы (*комсомолец, общественная нагрузка*), слова — наименования явлений нового быта (*субботник, дружинник, третий семестр*), слова — наименования предметов традиционного быта (*квас, городки*), фразеологические единицы, историзмы (*кириллица, кулак*), фольклорная лексика (*чудо-юдо, кудесник*), заимствования из языков народов СССР (*аул, тубетейка*), собственные имена.

Само собой понятно, что процент безэквивалентной лексики русского языка по отношению к литовскому языку (как и к другим языкам народов СССР) намного ниже, чем по отношению к иностранным языкам. Причиной этого — общность политико-общественной и экономической жизни, постепенное сближение национальных культур. Не являются безэквивалентными такие существенные группы лексики, как советизмы и слова, обозначающие предметы и явления нового быта. Слова, относящиеся к этим группам, или были прямо заимствованы из русского языка (*большевик — bolševikas, ленинизм — leninizmas*), или явились результатом калькирования, словообразовательного (*колхоз — kolūkis*) или семантического (*спутник — palydovas, совет — taryba*). Общественно-политическая лексика наряду с научно-технической терминологией является важнейшей частью общего словарного фонда языков народов СССР, формирующегося в условиях интенсивного взаимодействия этих языков [Протченко, 1975, с. 82].

Среди безэквивалентной русско-литовской и литовско-русской лексики можно отметить такие группы слов: названия вещей домашнего обихода и трудовой деятельности (*geinys* — стремянки для лазания по бортам для добычи меда, *кутник* — широкий прилавок в избе, от двери до угла против печи), названия специфических сельскохозяйственных работ, действий, занятий (*rytagonė* — утренняя выгон скота на пастбище, *тебенёвка* — пастьба лошадей на пастбищах, покрытых снегом), наименования одежды и обуви (*nuometas* — старинный женский головной убор, *доха* — шуба мехом внутрь и наружу), названия народных музыкальных инструментов (*skudučiai, гусли*), народная кулинарная терминология (*vėdarai* — печеная колбаса, начиненная картофелем или крупой и кровью свиньи, *кутья* — каша из риса или крупы с медом и изюмом, которую едят в сочельник или на поминках), наименования танцев, песен, музыки (*raliuoti* — петь, выводить трели, о пастухах, *час-тушка* — короткая, рифмованная песенка с лирическим или злободневным содержанием), названия сказочных, мифологических существ и понятий, названия обрядов, народных праздников, народных обычаев и привычек,

а также наименования реалий, связанных с историческим прошлым литовского и русского народов (*amerikonas* – литовец-реэмигрант, вернувшийся из Америки, обычно разбогатевший там, *колядовать* – ходить по дворам с пением коляд) и др.

2. Более существенными с точки зрения научного описания языка являются такие национальные элементы ЛЗ, которые обусловлены не особенностями внеязыковой действительности, а спецификой отражения в лексической системе языка той же самой или почти той же самой действительности. Здесь следует различать два аспекта. Во-первых, тот случай, когда более или менее дробная номенклатура различных природных, естественных объектов связана с основными интересами говорящих, с ролью этих объектов в жизни народа. Сюда относятся хорошо известные примеры подробной номенклатуры снега и тюленя в эскимосском языке, песка и верблюда в арабском и т.д. [Боас, 1960; Мошиньски, 1956]. Во-вторых, случаи, когда расхождения между ЛЗ разных языков трудно или даже невозможно объяснить различиями в географическом окружении народа или спецификой его материальной и духовной жизни. Это часто приводимые примеры типа русск. *рука* и нем. *Hand/Arm*, русск. *плыть* и англ. *float/sail/swim*, франц. *aller* и нем. *gehen/reiten/fahren*. Эти особенности языка являются результатом разных „лингвотехнических приемов“ номинации [Языковая номинация, 1977, с. 153]. При фиксации результатов познания в языке, при закреплении образовавшихся в сознании познавательных (когнитивных) понятий в ЛЗ происходит некоторое „упрощение“ этих понятий. В ЛЗ схематически закрепляются только некоторые стороны понятия, достаточные для фиксации этого понятия в сознании и оперирования им в коммуникации и процессе мышления, а то, какие из признаков понятия будут учтены при его языковом оформлении, какие не будут, и составляет национальную специфику ЛЗ. В выборе признаков действительности, которые будут отражены в структуре значения, возможна большая доля случайности [Гак, 1976, с. 81 – 82].

Расхождения между эквивалентными значениями разных языков чаще всего характеризуются гиперонимо-гипонимическими отношениями. Под гиперонимом понимается недифференцированное значение одного языка по отношению к дифференцированным значениям другого языка – гипонимам. Гиперонимо-гипонимические отношения показывают, что в одном языке определенное явление не имеет специального наименования или, иными словами, определенное понятие – комплекс сем в языковом сознании носителей этого языка – не зафиксировано в специальном знаке и для обозначения данного явления используется наименование более широкого класса явлений, в то время как в другом языке имеется для данного явления специальное наименование. Напр., русское слово *поспевать* имеет значение ‘становиться

Spausdintoje versijoje šis lapas yra tuščias

Spausdintoje versijoje šis lapas yra tuščias

мужского рода, ср.: *Pavasaris žemę jau veda-* || (*O mane kas ves?*)|| *Aš bėgu per lūžtantį ledą* || *[jo vestuves* → *С весной земля обручилась лукуя, || А я-то где друга найду? || На свадьбу земли в нетерпении бегу я | По хрупкому, ломкому льду* (S. Nėris, пер. В. Левика).

Значимость значения грамматического рода усиливается закрепившейся символикой предметов в представлении носителей языка. Напр., в литовском народном представлении *beržas* ‘береза’ ассоциируется с юношей, является олицетворением юноши в фольклоре; эквивалентное русское слово *береза* такой значимости не имеет и не может иметь из-за формы грамматического рода. При переводе таких случаев или теряется значимость, или переводчик жертвует референциальным значением ради сохранения значимости, что является более правильным с точки зрения передачи информации всего текста. В стихотворении С. Нерис „Осень“ видим несколько актуализированных значимостей (*šiluogužė – debesėlis, debesėlis – būryso gervių, pušelės – beržas | brolelis*), из которых только оппозиция *pušelės – beržas | brolelis* частично передана в переводе Д. Самойлова за счет изменения референциального значения ‘братец’ → ‘сестрица’: *Šiluogužė žydi. Debesėlis plaukia, || Būrį gervių lydi į saulutės šalį. | Tarp dviejų pušelių – beržas geltonplaukis. – || Mes tave mylėsim – baltąjį brolelį* → *Зацветает вереск. Наступает осень. || В теплые пределы улетают птицы. || Светлая береза – меж двух темных сосен – || Как тебя мы любим – белая сестрица.*

Национальная специфика значения определяется еще одним видом значимости, вытекающей из самой сущности ЛЗ как „сокращенного“ понятия. Связь ЛЗ с когнитивным понятием создает значимость, актуализация которой в тексте порождает дополнительную информацию. Актуализация когнитивной значимости – это более полное возбуждение в нашем сознании когнитивного понятия, его ассоциативных связей с другими понятиями, представлений, связанных с этим понятием. Напр., слово *gandras* ‘аист’ в сознании литовца может вызвать ассоциации с разными предрассудками, связанными с прилетом аистов, их первым появлением весной и т.п., значение слова *biržyti* ‘отмечать, где сеять зерно’ – с представлениями о старом быте, слово *vuturėlis* в литовском – не просто ‘певчая птичка из отряда воробьиных, жаворонок’, а дополнительно символ весны, светлого, радостного пробуждения природы.

Многими лингвистами выделяются признаки, которые непосредственно не входят в структуру ЛЗ, но в тексте могут актуализироваться, выйти на передний план и стать существенными для восприятия значения. В. Г. Гак такие признаки называет потенциальными семами [Гак, 1976], у В. И. Абаева они составляют основу понятия идеосемантики [Абаев, 1948]. Показателен его пример: русское слово *железо* имеет эквивалент в осетинском *oetsoej-*

pag, но в русском железо противопоставляется дереву или иным мягким материалам, а в осетинском — стали, т.е. железо в осетинском не является символом твердости; поэтому русское выражение *железная дисциплина* на осетинский переводится как „стальная дисциплина“.

В поэтических текстах слова, указывающие на события, явления, связанные с историей, культурой народа, предельно нагружены когнитивной значимостью, которую невозможно передать в переводе; ср. пример из стихотворения Л. Гирь: *Klasta testengè tik mūs laisvès priešai dusyk || Užklupti geležinį vilką ir uždusint || Bent laikinai. Pavergti jo tačiau nestengè.* В переводе невозможно рассказать легенду об основании Вильноса, чтобы передать всю нагрузку выражения *geležinį vilką*.

Национальная специфика ЛЗ наряду с особенностями других уровней определяет характер каждого языка, его специфику как системы *sui generis*, которая наиболее ярко и значимо выступает при столкновении с другой такой системой, в частности при изучении другого языка и в практике перевода. Надо, однако, подчеркнуть, что специфика ЛЗ не является непреодолимой преградой при переходе от одной языковой системы к другой, так как в принципе на любом языке можно выразить весь познавательный опыт человечества. Такая возможность обеспечивается открытым характером лексической системы — можно создавать новые слова, заимствовать и калькировать отсутствующие семемы и, что самое главное, передавать новые значения описательно, пользуясь комбинаторными возможностями языковых единиц в речи; для этого нужно только, чтобы в сознании говорящих появлялись такие новые понятия. В языке можно выразить все, в чем нуждается говорящее на нем общество. Вместе с тем нельзя не признать, что национальная специфика ЛЗ, особенно создаваемая его когнитивной значимостью, в некоторых типах текстов, особенно поэтических, не позволяет достичь полной адекватности при переходах с одного языка на другой.

DIE NATIONALSPEZIFIK VON LEXIKALISCHER BEDEUTUNG

A. GUDAVIČIUS

Zusammenfassung

Es geht in diesem Artikel um drei Bestandteile der lexikalischen Bedeutung, die vom national-spezifischen Charakter sind: 1) die Bedeutungsmerkmale, die als Resultat der verschiedenen Weltklassifizierung entstanden sind (*ньмь — giedoti | dainuoti | ringuoti*), 2) die Bedeutungsmerkmale, die von Umständen des materiellen und geistigen Volkslebens abhängig sind (*nuometas, gyslu*), 3) der linguistische und kognitive Bedeutungswert (valeur). Besonders wichtige Rolle spielt der Bedeutungswert, der die Möglichkeit der adäquaten Übersetzung oft beschränkt.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев, 1948 — Абаев В. И. Понятие идеосемантики. — В кн.: Язык и мышление. М.—Л., 1948, т. 2.
- Боас, 1960 — Боас Ф. Введение к „Руководству по языкам американских индейцев“. — В кн.: Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. М., 1960, ч. 2.
- Гак, 1976 — Гак В. Г. К диалектике семантических отношений в языке. — В кн.: Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
- Гак, 1977 — Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. — М., 1977.
- Гудавичюс, 1980 — Гудавичюс А. Универсальное и специфическое в лексическом значении. — Slavia. Praha, 1980, t. 49, No 1—2.
- Коллар, 1973 — Kollár D. К проблематике сопоставительного анализа словарного состава русского и словацкого языков. — Československá rusistika, 1973, t. 18, No 3.
- Мошиньски, 1956 — Moszyński K. Słownictwo ludów tzw. prymitywnych. — Biuletyn Polskiego towarzystwa językoznawczego, 1956, t. 15.
- Протченко, 1975 — Протченко И. Ф. Лексика и словообразование русского языка советской эпохи. — М., 1975.
- Соссюр, 1977 — Соссюр Ф., де. Труды по языкознанию. — М., 1977.
- Языковая номинация, 1977 — Языковая номинация. — М., 1977.

*Шяуляйский педагогический институт
им. К. Преишаса
Кафедра современного русского языка*

Декабрь, 1982